

**(ИЗ КНИГИ «ЛЕГЕНДЫ СТАРИННЫХ
ГОРОДОВ РОССИИ»)**

Город Порхов, что на Псковщине, основал в 1239 году новгородский князь Александр Ярославич, получивший позднее прозвание Невский. По преданию, однажды он плыл по реке Шелони и заметил на правом берегу поднятый порывом ветра столп известняковой пыли – порх. В этом пыльном облаке князь представил такую же высокую крепость и повелел воздвигнуть на облюбованном месте город, который и поименовал Порховом. Вскоре на берегу Шелони возникла грозная твердыня, обронявшая западные рубежи Русской земли. Она считалась одной из двенадцати главных русских крепостей. Ее история овеяна легендами.

Великий князь литовский Витовт получил долгожданную весть: в Москве скончался великий князь Василий Дмитриевич. Согласно завещанию, после его кончины вдова – великая княгиня Софья – вместе с Московским княжеством переходила под защиту Витовта. Оно и понятно: Софья приходилась родной дочерью литовскому князю, и условия завещания были обговорены заранее. На радостях Витовт не находил себе места – начинала сбываться его давняя мечта захватить Русскую землю и обрести королевскую корону, обещанную папой римским.

Следом за Софьей на поклон к могущественному владыке Литвы кинулись прощие русские князья. Поступая на литовскую службу, тверской князь Борис Александрович учтиво напомнил Витовту, что тот приходится ему двоюродным дедом, а рязанский князь Иван Федорович поклялся «служить своему господарю верно, без хитрости, и быть с ним всегда заодно». Вот только свободолюбивая Новгородская земля не спешила признать литовское верховенство. Новгородцы называли Витовта изменником, поскольку он не раз перебегал из католичества в православие и обратно. А еще в насмешку кликали его бражником – за неумеренное пристрастие к застольям.

Подобные оскорблении горделивый литовец не намеревался сносить. Летом 1428 года, собрав большое войско, Витовт отправился в поход на Северную Русь. Пособить деду вызвался и внучок – тверской князь Борис Александрович, надеясь на большую поживу: ведь литовский князь пользовался славой удачливого и беспощадного полководца. Однажды, осаждая город Воронач, он приказал накидать две лодки умерщвленных младенцев из окрестных деревень и пустить по речной глади мимо крепостных стен. Как писал летописец, «киспокон веков люди не видели такого зверства». Запуганные горожане поспешили распахнуть ворота и заплатить щедрый выкуп.

Вот и на этот раз жестокий Витовт беспрепятственно двигался по Русской земле, покоряя один город за другим, пока не подошел к Порховской крепости. Здесь оборону держал отважный новгородский посадник Исаак Борецкий. Он ничуть не сомневался в успехе, поскольку крепость

представляла собой непобедимую твердыню. Ее мощные крепостные стены были сложены из темного известняка, который в изобилии находили на речных берегах. Западная и южная стороны крепости омывались рекой Шелонью. Северную сторону защищала ложбина, которая в половодье затоплялась водой. А вот на восточном направлении темнел могучий еловый бор, откуда враг мог незаметно подобраться к крепостным стенам. Поэтому здесь был вырыт глубокий ров и воздвигнуты грозные башни – Никольская, Средняя и Псковская. Еще одну небольшую башню поставили на северо-западной стороне – на случай, если неприятель попытается пойти в обход. Над всеми башнями возвышались каменные кресты, призванные поднимать боевой дух защитников.

Подойдя к Порховской крепости, Витовт двинул свои войска на приступ. Однако порховчане не устрашились зловещих кличей литовцев. Они успешно отражали атаку за атакой. Из стрелковых бойниц летели во врага каленые стрелы и тяжелые ядра крепостных пищалей. Литовцы несли неоправданные потери, и в войсках поднимался глухой ропот.

Витовт угрюмо взирал на непокорную крепость. «Семь дней мы безрезультатно штурмует эту проклятую цитадель, – размышлял он. – Но, судя по всему, русские не собираются просить о пощаде. Пожалуй, тут бездьявольского огонька нам не обойтись!» Литовский полководец приказал доставить к Порхову чудо-пушку. Эта пушка была отлита бургундскими мастеровыми и называлась Галкой. Она обладала невиданными размерами. По словам летописца, «везли ее на сорока конях до полудня, а другую половину дня на иных сорока же конях». Чудо-пушку сопровождал немецкий мастер Николай, который собирался впервые испытать свое орудие в деле.

Пушка Галка была установлена напротив Никольской башни, которая имела пятнадцать пушечных и четырнадцать стрелковых бойниц. Проход под башней закрывался опускными железными решетками, а над наружными воротами возвышалась башенка-стрельница. Благодаря этому пространство перед крепостью простиировалось насквозь. Помимо огнестрельных пищалей, Никольскую башню защищала и каменная церковь в честь святителя Николая Мирликийского, которая была возведена подле главного входа.

Окинув взором диспозицию, немецкий мастер Николай решил померяться силами с самим Николаем Чудотворцем.

– Не только разью стрельницу, но и каменного Николу в город зашибу, – похвастался он перед литовским полководцем.

Витовт повелел поставить неподалеку княжеский шатер, чтобы увидеть воочию, как громадная пушка Галка разнесет Порховскую крепость в прах.

На рассвете мастер Николай начал заряжать орудие. В зарядную камору напихал мешочек с селитрой, перемешанной с углем и серой. Затем утрамбовал уложененный пороховой заряд деревянным банником. По его указанию пушкари вкатили в жерло огромное каменное ядро. Окруженный ратниками, посадник Исаак Борецкий сквозь узкую щель бойницы настороженно наблюдал за этими смертоносными приготовлениями. Из Никольской церкви доносились непрестанные песнопения – порховчане молили святителя Николая о чудесном спасении.

Наконец, пушка была заряжена. Витовт подал условный знак. Протрубила боевая труба, и немецкий мастер поднес к запальчному отверстию горящий факел. Раздался оглушительный взрыв. В воздух поднялся высокий столп пыли. Клубы синего дыма заволокли окрестности. Огромное ядро, разрушив стрельницу на Никольской башне, рикошетом ударило в церковь. Казалось, от такого сильного удара храм должен был неминуемо рассыпаться на куски. Но случилось небывалое: ядро отскочило от церковной стены и, словно направленное невидимой рукой, полетело в обратную сторону, срубило литовское знамя и врезалось в княжеский шатер, убив двух слуг. Витовт чудом остался жив.

Когда клубы дыма рассеялись, порховчане с радостью увидели, что грозная пушка Галка беспомощно уткнулась развороченным рылом в землю. Рядом с ней недвижно лежал немецкий мастер Николай. Он был до смерти исечен осколками от разорвавшегося жерла.

– Поделом тебе! – крикнул посадник Исаак Борецкий. – Не будешь тягаться с нашим Николаем!

Омраченный Витовт приказал остановить штурм. «Не могу взять крепость, так хоть выкуп возьму!» – решил он. Литовцы бросились по окрестным деревням, хватая всех без разбора – детей, женщин, стариков. Пять тысяч несчастных пленников появились под крепостными стенами. Памятую о неслыханной жестокости Витовта, посадник Исаак Борецкий вступил с ним в переговоры.

– Я требую двойной выкуп за каждую голову, – заявил литовский князь. – Пять тысяч рублей от города Порхова и пять тысяч рублей от города Новгорода.

– Согласен, – вздохнул посадник. – Хоть деньги и немалые, но жизнь стоит куда дороже.

С помощью новгородского архиепископа необходимый выкуп был собран и вру-

чен Витовту. Получая деньги, литовский полководец ухмыльнулся:

— Это вам за то, что называли меня изменником и бражником.

Боевая труба протрубыла отход. Многочисленная литовская рать отступила от стен Порхова. Сорок лошадей потащили назад разбитую пушку Галку. Вскоре опаленное великокняжеское знамя исчезло за окном. Горделивый князь был вынужден отказаться от завоевания Русской земли. Ему так и не пришлось примерить королевскую корону.

Порховская крепость

* * *

Необычный столп вознесся над Порховом еще раз. Это случилось во время Великой Отечественной войны. Город был оккупирован войсками вермахта. Немецкие солдаты зверствовали на улицах — травили мирных жителей собаками, забрасывали дома гранатами. На Старом городище без суда и следствия расстреляли пять тысяч горожан. А одну девяностолетнюю старуху вытащили на площадь, обложили иконами, облили керосином и заживо сожгли.

На окраине Порхова немцы устроили концентрационный лагерь для военнопленных. Там они уморили голодом и замучили пытками восемьдесят пять тысяч человек. Немногим удалось бежать оттуда. Среди тех, кто сумел спастись, был командир саперной роты старший лейтенант Константин Чехович. Пробравшись в город, он случайно познакомился на улице с девушкой. Она приютила его в своем доме. Вскоре они поженились, у них родился сын. Константин устроился работать киномехаником в местном кинотеатре. Одновременно связался с партизанами. Те поручили ему подготовить акт взмездия. День за днем молодой подпольщик проносил в здание кубики тола, пряча их в ведре с грязной водой. Будучи опытным сапером, взрывчатку закладывал так, чтобы при взрыве был нанесен наибольший урон.

Наконец, наступил урочный день — 13 ноября 1943 года. Утром немцы повесили объявление, что вечером состоится показ художественного фильма «Артисты цирка». Константин установил часовой механизм на назначенный час и предупредил молодую жену, чтобы та с младенцем скрылась из города. Сам за несколько минут до акта взмездия покинул кинобудку и бежал в лес к партизанам. Гигантский взрыв потряс кинотеатр. Высокий столп пыли поднялся до небес. Стена, выходящая на реку Шелонь, рухнула в зрительный зал. Погибло более семисот оккупантов, в том числе два генерала и сорок высших офицеров вермахта. Это была самая крупная диверсия за всю Великую Отечественную войну...

Мемориальная доска Константину Чеховичу (1918–1997) на здании кинотеатра в Порхове

* * *

Наряду с этим в городе гремели и другие взрывы — поменьше. Один из них устроил подросток Глеб Горбовский, ставший впоследствии знаменитым русским поэтом. Накануне Великой Отечественной войны его, девятилетнего паренька, мать отправила из Ленинграда к родной сестре в Порхов — на летние каникулы. Когда немецкие войска захватили город, для Глеба началось голодное детство в фашистской оккупации. Позднее поэт написал об этом стихи:

*Война меня кормила из помойки,
пороешься — и что-нибудь найдешь.
Как серенькая мышка-землеройка,
как некогда пронырливый Гавроша.*

*Зелененький сухарик, корка сыра,
консервных банок терпкий аромат.
В штанах колени, вставленные в дыры,
как стоп-сигналы красные, горят.*

*И бешеные пульки, вместо пташек,
чирикают по-своему... И дым,
как будто знамя молодости нашей,
встает над горизонтом золотым.*

В Порхове расположился немецкий госпиталь. На полевой походной кухне готовился наваристый суп. Раздав еду раненым, повар отдавал остатки исхудавшим местным детям, что толпились в сторонке. Приходил сюда и Глеб, подставляя котелок под дымящийся половник. А попутно зорким глазом выглядывал, не лежат ли где-нибудь без присмотра патроны или гранаты. Тащил боеприпасы и прятал их в госпитальной печке, которой летом не пользовались.

Наступила осень — похолодало. Однажды Глеб отправился с котелком к госпиталю. Видит: немецкий возчик растапливает печку. А в печке отважный мальчишка схоронил оцинкованный ящик с разрывными пульями! Конечно, от полыхнувшего огня патроны стали рваться один за другим — немцы в страхе разбежались. Потом схватили подростка, обвинили в диверсии. «Они меня не раз к стенке ставили, — с горькой усмешкой говорил поэт. — Но так и не расстреляли...».

Глеб Горбовский в юности

После освобождения Порхова Глеба Горбовского ждала нелегкая судьба — детский дом, ремесленное училище, исправительная колония для малолетних преступников, дерзкий побег из-за колючей проволоки, скитания по стране в поисках отца — репрессированного «врага народа». Но о Порхове поэт сохранил самые трогательные воспоминания. Родному городку он посвятил проникновенные стихи:

*Городок родимый детства —
Порхов! Псковщина. Война.
С черной смертшикой соседство,
и Шелонь-река темна.*

*На холме уснула крепость, —
островок войны с Литвой,
а во мне — любить потребность
этот край полуживой.*

*Весь во времени, как в раме,
городок... Мечтой храним.
Постоять, как будто в храме,
на коленях — перед ним.*